

СОДЕРЖАНИЕ

Хронология Известного космоса Ларри Нивена <i>Перевод Т. Магакяна</i>	7
От автора. Добро пожаловать в мою вселенную! <i>Перевод Г. Корчагина</i>	9
Самое холодное место. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	15
Штиль в преисподней. <i>Перевод А. Килановой</i>	21
Дождусь! <i>Перевод Р. Нудельмана</i>	36
Глаз осьминога. <i>Перевод С. Удалина</i>	45
Как умирают герои. <i>Перевод С. Удалина</i>	56
Человек-пазл. <i>Перевод С. Удалина</i>	86
Мир птаввов. <i>Перевод Т. Магакяна</i>	100
На дне ямы. <i>Перевод С. Удалина</i>	290
Намерение ввести в заблуждение. <i>Перевод А. Килановой</i> ...	313
Плащ анархии. <i>Перевод А. Килановой</i>	322
Агрессоры. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	347
Всегда есть место безумию. <i>Перевод С. Удалина</i>	367
Дар Земли. <i>Перевод Т. Магакяна</i>	402
Когда наступает прилив. <i>Перевод А. Овчинниковой</i>	645
Безопасен на любой скорости. <i>Перевод А. Килановой</i>	663
Запоздалые мысли. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	667

От автора

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В МОЮ ВСЕЛЕННУЮ!

Писать я начал тридцать два года назад. Тридцать один год назад — публиковаться. И на протяжении тридцати одного года я создаю историю будущего — историю Известного космоса.

За этот срок она протянулась на тысячу лет вперед, и накопленные сведения позволяют заглянуть на полтора миллиарда лет в прошлое. Сюжеты большинства моих произведений разворачиваются либо в Человеческом космосе (во времена Луиса Ву «пузырь» с колонизированными планетами имел диаметр шестьдесят световых лет), либо в Известном космосе — гораздо большем объеме пространства, который исследуют экспедиции человечества, но контролируют другие расы. Маршруты отдельных экспедиций протягивались на двести световых лет в направлении галактического севера и на тридцать три тысячи световых лет к ядру Галактики.

На сегодняшний день цикл включает в себя шесть романов, в том числе новейший «Трон Кольца», истории о плоскоземельце Джиле из АРМ, о Беовульфе Шеффере, а также сборник, который вы держите в руках, и еще восемь антологий, приходящихся на эпоху войн людей и кзинов и написанных другими авторами. С подробностями можно ознакомиться в дополненной «Хронологии».

Любая история будущего склонна к хаотизации. Мои произведения имеют общую событийную основу и соприкасаются сюжетами, но если быть честным с вами, читатели, то необходимо признать, что каждое из них является вещью в себе. Вымышленная история Известного космоса

так же хаотична, как и наша реальная история. Даже по стилю произведения различаются, поскольку за одиннадцать лет реального времени эволюционировало мое писательское мастерство.

В эту книгу заложены подсказки. Ее содержание, включая два романа, выстроено в хронологическом порядке и снабжено моими примечаниями о том, что происходило в промежутках между отдельными повествованиями в области, малой по космическим масштабам, но огромной по меркам человеческого опыта.

Считаю целесообразным упомянуть и здесь несколько существенных фактов.

1. В книге нет произведений из цикла о Джилле Гамильтоне. Карьера Джилла достигла своего пика примерно в 2121 году, между «Миром птавов» и «Защитником». Все истории о нем вошли в сборник под названием «Плоскоземелец».

2. Я долго колебался, стоит ли включать сюда некоторые рассказы. «Самое холодное место» устарело еще до того, как было опубликовано впервые. В нем, как и в «Глазе осьминога», видна рука дилетанта. Но оба они здесь, поскольку имеют отношение к Известному космосу. И Меркурий вращается-таки синхронно с Солнцем — в Известном космосе, но не в реальной Вселенной.

3. В процессе чтения вам может показаться, будто Марс меняется, и это впечатление будет верным. Действие «Глаза осьминога» разворачивается на Марсе, еще не посещенном «Маринером». Сделанные «Маринером-4» фотоснимки марсианских кратеров вдохновили меня на создание рассказа «Как умирают герои». Прочитанная несколько позже статья в «Аналоге» заставила отказаться от прежнего представления о планете, что отражено в рассказе «На дне ямы». Если и дальше космические зонды будут перелицовывать соседние планеты, что останется нам, фантастам? Только писать новые, правильные произведения. Марс продолжает меняться, и писателю надо бы успевать за переменами. Но ведь поле фантастики густо усеяно раннемарсианской прозой. Лучшие авторы жанра желают писать о моем Марсе — и что я могу испытывать к ним, кроме благодарности?

4. У меня был сильный соблазн переделать некоторые кривобокие ранние вещи. Но как тут поймешь, где следует остановиться? Осовремененные тексты с обновленным фактажом — разве этого ждете от меня вы, читатели? Надеюсь, что нет.

5. Истории об Известном космосе сгруппированы в шести эпохах. Первая — близкое будущее, когда на протяжении четверти века исследовалось межпланетное пространство. Затем идет эпоха Лукаса Гарнера и Джилла Гамильтона, 2106—2130 года. Отвязавшись от Земли, межпланетная цивилизация начала собственную жизнь. Человечество изучало и осваивало другие звездные системы. На Земле возникла тяжелейшая проблема банков органов. Исчезли последние сомнения в существовании инопланетного разума; стало ясно, что человечеству придется к нему приспособливаться.

Далее следует промежуточный период, его примерная середина — 2340 год. В Солнечной системе — мир и процветание; на Плутоне и в других колониях — смута. Существо, ранее бывшее Джеком Бреннаном, в одиночку сражается на краю Солнечной системы. Начало мирного периода ознаменовано малозначительными вмешательствами Бреннана-Монстра (см. «Защитник»), а конец — контактом с Империей кзинов.

Большинство произведений о войнах людей и кзинов написано другими авторами. Не устаю удивляться тому, что эти мэтры решили поиграть на моем поле, хотя у каждого из них есть свое. От них я узнал много нового о семейной жизни кзинов, о разумных хищницах, об эзотерической космологии и военных действиях — а ведь раньше я даже не подозревал, что таковые велись. Пол Андерсон предлагает нам древние планеты, упакованные в природные пластмассы и бакиболы (называемые сегодня фуллеренами). Пурнель и Стерлинг придумали аэродинамическое торможение сквозь Солнце, с применением стазисного поля. Бенфорд и Мартин расширили космологию Известного космоса за пределы нашей Вселенной. Не принадлежит к нашей Вселенной и трусливый кзин Дональда Кингсбери. В Индии времен Киплинга погиб кзинский разведчик, едва не успев подчинить Землю Патриархии.

Четвертый период, последовавший за войнами людей и кзинов, — это часть двадцать шестого столетия. Расцвет комфортного туризма и межрасовой торговли. Род человеческий не правит, но и не подчиняется. Известны новые планеты, в том числе отвоеванные у Империи кзинов.

У пятого периода много сходства с четвертым. За двести лет мало что изменилось, по крайней мере внешне. На смену малоэффективным плазменным двигателям пришли ПВРД¹, в космическое сообщество вступили новые расы. Но одна фундаментальная перемена все же произошла: среди людей распространился ген Тилы Браун — ген «реальной психической силы». Таких Тил создавали целенаправленно.

Мне всегда казалось, что об Известном космосе я бы мог рассказать еще немало.

Тил размножали с целью выведения расы сверхудачливых людей. Если бы не данный факт, их везучий предок Тила Браун осталась бы статистической погрешностью, не более заметной, чем любой человек, выигравший в лотерею. Ее удачливость имела весьма удивительные последствия, и чтобы их выявить, мне понадобилось двадцать пять лет.

Самый опасный вызов автору бросают персонажи, которые умнее его, а в Мире-Кольце таких хватает. Они называются защитниками. Незнакомые люди из разных стран открывали мне глаза на новые детали Мира-Кольца, а кое-что я изобрел сам. Я ставил антропологические эксперименты на обитаемой территории, которая в три миллиона раз больше поверхности Земли.

Но фундаментальные изменения человеческой природы, к каковым относится появление Тил, серьезно усложнили жизнь автора.

¹ *Прямоточный воздушно-реактивный межзвездный двигатель* придуман инженером Р. У. Бассардом в 1960 году. Основан на идее захвата рабочего тела из межзвездной среды с помощью мощных магнитных полей. Не противоречит каким-либо основным физическим принципам и активно популяризируется в научной фантастике, в том числе и в цикле «Известный космос». По-английски прямоточные двигатели сокращенно именуются gam (таран).

Период, последовавший за эпохой Мира-Кольца, может, и удобен для проживания, но в нем слишком мало интересных катастроф. Из относящихся к этому времени произведений выжило только одно — «Безопасен на любой скорости», это что-то вроде рекламы. Других нет и уже не будет.

В историях будущего есть что-то такое, что не оставляет людей равнодушными. В полной мере это справедливо для Известного космоса. Читатели задумываются о фактах, о математике, о хронологии. Они чертят сложные схемы или рассчитывают на компьютерах орбиты с точками наибольшего приближения к небесным телам. Они шлют мне карты человеческого, кзинского, кдатлинского космоса, результаты динамического анализа Мира-Кольца, огромные, на десять тысяч слов, синопсисы романов, в которых будут увязаны все концы, и трактаты, посвященные проблеме грогов. Спасибо всем, кто развлекал меня таким образом и тешил мое эго.

Над «Хронологией», вошедшей в данный сборник, десятилетиями трудилась целая армия.

В 1970-х к этой работе подключились Тим Кайджер, Спайк Макфи и Джерри Бояджян. Я обновил «Хронологию» для настоящего издания.

Труды Джона Хьюитта легли в основу настольной игры «Мир-Кольцо» от компании «Chaosium». На писательских конвентах он засыпал меня вопросами насчет конфликтующих дат, формы оружия и инструментов и так далее и требовал решений. Его стараниями Известный космос обрел плоть. Впоследствии, когда понадобилось пособие для авторов — участников проекта «Войны людей и кзинов», — Джон помог мне найти нужные страницы. С тех пор мы с Джимом Баеном пользуемся этим текстом.

«Путеводитель по Миру-Кольцу Ларри Нивена», составленный мною в соавторстве с Кевином Стейном, годится для экскурсий по всему Известному космосу. Он куда надежней, чем моя слабая память.

*Ларри Нивен
Тарзана, Калифорния,
сентябрь 1995*

САМОЕ ХОЛОДНОЕ МЕСТО

Это самый первый из моих рассказов, и он устарел еще до того, как был издан. У Меркурия нет атмосферы, и он полностью оборачивается вокруг своей оси за два года. Продолжение получилось лучше.

Л. Н.

В самом холодном месте Солнечной системы я медлил возле корабля, охваченный робостью. Слишком уж темно и стыло было вокруг. Не хотелось ни на шаг отдаляться от уютной металлической глыбы, хранившей внутри земное тепло.

— Что-нибудь видишь? — спросил Эрик.

— Да ни черта! Тут слишком жарко — корабль излучает. Помнишь, как они от зонда кинулись наутек?

— Ага, помню. Слушай, ты чего ждешь, что я тебя за ручку поведу? Вперед!

Я тяжело вздохнул и пошел. Слегка подпрыгивал висящий на плече массивный коллектор. Я и сам подпрыгивал. Шипы на ботинках спасали от скольжения.

Мой маршрут лежал вдоль кромки широкого и мелкого кратера, образовавшегося при посадке корабля, когда тот, проплавив все слои газового льда, добрался до льда водяного. Надо мной вздымались утесы из замерзшего газа — с округлыми очертаниями вершин. Там, куда падал луч моего головного прожектора, они отвечали мягким белым сиянием. Все же прочее было черно, как сама вечность. Над гладкими скалами поблескивали бриллианты звезд, но мгlistая твердь поглощала их свет без остатка.

А корабль все меньше, все темнее. И вот он исчез совсем.

Предполагалось, что здесь есть жизнь. Как она выглядит — этого никто даже не пытался себе представить. Два

года назад зонд «Мессенджер-6» встал на низкую орбиту, а затем совершил посадку, — в частности, надо было узнать, не воспламенится ли от его дюз покров из замерзших газов. В поле зрения камеры зонда угодили какие-то тени. Они корчились на снегу, спеша убраться от света, но на снимках оказались прекрасно различимы. Само собой, некоторые умники утверждали, что это и есть тени, только и всего.

Я видел те снимки. И у меня нет сомнений: это жизнь. Настоящая.

Существа, что не выносят света. Они где-то рядом, во мраке. И они огромны...

— Эрик, ты здесь?

— А куда ж я денусь? — насмешливо ответил он.

— Вот что, — рассердился я, — раз нужно следить за каждым словом, я лучше вообще замолкну.

Грубо все-таки. Ему и так здорово не повезло — попал в аварию. Если теперь и денется куда-то, то лишь заодно с кораблем.

— Туше, — сказал напарник. — Как скафандр, тепло держит?

— Утечка пустяковая.

Под моими подошвами не таял замерзший воздух.

— Возможно, их пугает даже такое слабое излучение, — предположил Эрик. — Или они боятся твоего фонаря.

Он знал, что я ничего не вижу, поскольку сам смотрел через «глаз», установленный на моем шлеме.

— Ладно, заберусь наверх, — сказал я, повернув голову, чтобы Эрик увидел гору, — и выключу ненадолго прожектор.

Подниматься по склону — приятное физическое упражнение, в малой гравитации совсем не отнимающее сил. Можно прыгать почти как на Луне, не боясь задеть острый камень и продырявить скафандр. Тут везде плотный снег, а между снежинками — вакуум.

Когда я взобрался на макушку кургана, снова разыгралось воображение. Вокруг мгла; мир скован черной стужей. Я погасил прожектор, и все исчезло.

Прикосновение к кнопке сбоку на шлеме — и в рот просовывается чубук. Система воздухообновления исправно

откачивает углекислоту и табачный дым. Скафандры теперь делают шикарные.

Я сидел, курил, ждал, дрожал от холода — не осязаемого, но осознаваемого. Вдруг обнаружил, что потею. Пожалуй, скафандр даже слишком хорошо держит тепло.

Над горизонтом появился наш ионный двигатель. Я и глазом моргнуть не успел, как оставленная на орбите часть корабля промчалась яркой звездой и исчезла в тени планеты.

Шло время. Я отправил на перенабивку трубку, в которой выгорел табак.

— Посвети-ка, — подал голос Эрик.

Я встал и включил прожектор на полную мощность. Луч протянулся на милю, оживив белый косматый ландшафт, невероятную зимнюю сказку. Я медленно проделал пируэт, глядя во все глаза, — и увидел!

Даже в такой близости оно походило на тень. А еще на совершенно плоскую, чудовищной величины амебу. А еще на ползущую по льду масляную лужу. Она медленно, натужно взбиралась на азотную гору и всячески старалась увильнуть от моего луча.

— Коллектор! — воскликнул Эрик.

Я поднял прибор над головой и навел его, как телескоп, на вертлявую загадку, давая возможность Эрику увидеть ее через камеру коллектора. Устройство плюнуло в обе стороны огнем, взмыло, унеслось прочь. Теперь им управлял мой напарник.

Через несколько секунд я спросил:

— Возвращаюсь?

— Еще чего! Стой на месте. Я не могу вернуть коллектор на борт. Ты его дождешься и притащишь назад.

Тень-лужа уползла за гребень холма. За ней устремился коллектор. Он набирал высоту, его огненный шлейф уменьшался. Миг — и этот свет тоже скрылся за курганом.

Спустя секунду я услышал тихий возглас Эрика:

— Есть!

Снова появилось яркое пламя, оно стремительно взлетело и по дуге направилось ко мне. Когда коллектор встал

рядом на двух реактивных струях, я схватил его за «хвост» и потащил домой.

— Как по маслу, — сообщил Эрик. — Я только черпак задействовал, самую малость отщипнул от бока. Теперь у нас есть десять кубических сантиметров инопланетного мяса.

— Здорово, — отозвался я.

С коллектором под мышкой я по посадочной ноге осторожно поднялся к люку. Эрик впустил меня в шлюзовую камеру.

В блаженном искусственном свете бортового дня я освободился от заиндевелога скафандра.

— Доставь коллектор в лабораторию, — распорядился Эрик. — И не вздумай трогать образец.

Напарник бывает чертовски докучлив.

— У меня мозги имеются, — прорычал я в ответ, — хоть ты их и не видишь.

Мой характер тоже не сахар.

Повисла гулкая тишина; каждый из нас придумывал, как загладить грубость. С этой задачей Эрик справился первым.

— Извини, — сказал он.

— И ты не сердись.

Я покатил коллектор на тележке в лабораторию. Там получил от Эрика дальнейшие инструкции.

— Вот сюда клади, в пустую нишу. «Пастью» вперед. Не спеши закрывать. Поверни коллектор, чтобы встал на направляющие. Вот так. Толкай. Закрывай дверцу. Спасибо, Хоуи, дальше я сам...

За дверцей затарахтело.

— Надо подождать, пока не остынет лаборатория, — сказал Эрик. — Ступай кофейку попей.

— Лучше проверю, все ли у тебя в порядке.

— Кто бы возражал. Давай смажь мои протезы.

Протезы? А что, забавно. Жаль, что не я придумал.

Я нажал кнопку кофеварки, затем открыл большую дверь в передней стене отсека. Эрик смахивал на электрическую сеть, с той лишь разницей, что наверху располагался серый ком мозга. От него и от позвоночника ко всем стенам при-

чудливой формы контейнера из стекла и мягкого пластика тянулись нервы моего напарника — по ним шли сигналы к органам управления кораблем. Что же касается органов управления Эриком (хотя при нем эти слова лучше не проносить), то они были размещены снаружи по бокам контейнера. Размеренно трудится кровяной насос — семьдесят качков в минуту.

— Как я выгляжу? — спросил Эрик.

— Красавчик. На комплимент напрашиваешься?

— Осел! Я еще жив?

— Да, если верить приборам. Но я, пожалуй, немножко тебя остужу.

Сказано — сделано. С тех пор как мы совершили здесь посадку, я постоянно ловил себя на желании поддерживать максимально высокую температуру жидкости Эрика.

— Вроде все остальное в норме, — подытожил я. — Правда, пустеет твой пищевой резервуар.

— Ничего, это последний рейс.

— Да. Прости, Эрик, кофе готов.

Я вышел. Беспокоило меня только одно — «печень» напарника. Слишком уж сложно она устроена, слишком легко может отказать. Если прекратит поставлять сахар в кровь, Эрик умрет. Тогда умру и я, потому что Эрик — это корабль. Если я умру раньше Эрика, он долго не протянет, а перед смертью сойдет с ума от бессонницы. Ему ведь не заснуть, пока я не настрою протезы.

Допивая кофе, я услышал его возглас:

— Обалдеть!

— Что такое? — Я был готов броситься наутек.

— Тут только гелий!

Он был изумлен и возмущен, но не испуган. Я успокоился.

— Хоуи, я определил: это гелий-два. Наш монстр целиком состоит из него. Абсурд!

Сверхтекучая жидкость, способная двигаться вверх по склону? Из гелия-два?

— Абсурд в кубе. Эрик, тормози. Образец не выбрасывай. Проверь на примеси.

— На что проверить?

— На примеси. Мое тело — это оксид водорода с примесями. Если здесь они достаточно сложные, то в совокупности с гелием это может быть живой организм.

— Других веществ тут много, — ответил Эрик, — но мне не определить точно количественный и качественный состав. Надо везти эту тварь на Землю, пока работают наши холодильники.

Я встал:

— Значит, стартуем?

— Стартуем. Было бы неплохо добыть еще один образец, но нет смысла ждать, когда испортится первый.

— Хорошо, пойду пристегнусь. Эрик...

— Да? У нас есть пятнадцать минут, пока не подлетит ионный двигатель. Иди готовься.

— Нет, подожду. Эрик, знаешь, я надеюсь, что оно неживое... что гелий-два именно так и должен себя вести.

— Почему? Неужели не хочешь прославиться, как я?

— Слава — это, конечно, хорошо, но что-то не нравится мне подобная форма жизни. Очень уж она чуждая, холодная. Мыслимое ли дело, чтобы из гелия-два создавались организмы? Такого даже на Плутоне не случилось.

— Вероятно, они кочевники — с первыми проблесками рассвета отползают на ночную сторону. Здешние сутки для этого достаточно длинны. А вообще, ты прав: вряд ли где-нибудь в космосе найдется другая планета с такой же стужей на поверхности. Мое счастье, что у меня не слишком сильное воображение.

Через двадцать минут мы взлетели. Внизу осталась крошечная тьма, и только Эрик, подсоединенный к радару, какое-то время рассматривал купол. Тот сокращался, пока не уместился на экране целиком. Под этой многослойной толщей льда скрывалось самое холодное в Солнечной системе место — там, где полночь пересекала экватор на черной спине Меркурия.

ШТИЛЬ В ПРЕИСПОДНЕЙ

Я чувствовал, что снаружи все раскалено. В кабине же было светло, сухо и прохладно, даже зябко, как в современном офисном центре в летний зной. За двумя маленькими окошками — непроницаемо темно в просторах Солнечной системы и настолько жарко, что мог расплавиться свинец. Плюс давление, как в океане на глубине трех сотен футов.

— Смотри: рыба, — сказал я, просто чтобы внести какое-то разнообразие.

— Жареная или вареная?

— Не знаю. Кажется, за ней тянется след из хлебных крошек. Наверное, жареная. Эрик, ты только представь! Жареная медуза.

— Это обязательно? — шумно вздохнул он.

— Обязательно. Единственный способ увидеть что-то стоящее в этом... супе? Тумане? Кипящем кленовом сиропе?

— В раскаленном неподвижном мраке.

— Точно.

— Кто-то придумал эту фразу, когда я был ребенком, после новостей о зонде «Маринер-2». Извечный раскаленный неподвижный мрак, горячий, словно печь, под толстым слоем атмосферы, сквозь который не проникает ни луч света, ни дуновение ветерка.

— Сколько снаружи градусов? — спросил я, поежившись.

— Тебе, Хоуи, лучше не знать. У тебя слишком богатое воображение.

— Я это переживу, док.

— Шестьсот двенадцать.

— Я это не переживу, док!

Под нами расстилалась Венера, планета любви. Тридцать лет назад фантасты только о ней и писали. Наш корабль неподвижно висел под брюхом цистерны с водородным горючим «Земля — Венера» на высоте двадцати миль. Цистерна почти опустела, и из нее получился отличный аэростат. Мы будем оставаться на плаву, пока внутреннее давление равно внешнему. Задача Эрика — регулировать давление в цистерне за счет контроля температуры водорода. Мы брали образцы атмосферы через каждые десять миль спуска, начиная с трехсот миль, и снимали показания температурных датчиков через более короткие промежутки. Спустили малый зонд. Данные, полученные с поверхности, лишь подтверждали то, что мы и так уже знали о самом жарком мире Солнечной системы.

— Температура только что поднялась до шестисот тринадцати, — сообщил Эрик. — Все сказал, что хотел?

— Пока да.

— Ну и прекрасно. Пристегнись. Мы снимаемся с якоря.

— Счастливый день! — воскликнул я и принялся распутывать аварийную сетку над кушеткой.

— Мы сделали все, ради чего прилетели. Разве нет?

— Я и не спорю. Смотри, я пристегнулся.

— Угу.

Я знал, почему ему не хочется улетать. Мне тоже не слишком хотелось. Мы четыре месяца тащились до Венеры, чтобы неделю покружить вокруг нее и провести меньше двух дней в верхних слоях атмосферы. Столько времени потрачено впустую!

Напарник почему-то мешкал.

— Эрик, что случилось?

— Тебе лучше не знать.

Он не шутил. Его голос был механическим, монотонным; Эрик не тратил силы на то, чтобы придать живые интонации синтезированной речи. Должно быть, чем-то изрядно потрясен.

— Я это переживу.

— Как скажешь. Я не чувствую органов управления ПВРД. Мне словно вкололи спинальную анестезию.

Холодок в кабине пробрал меня до костей.

— Попробуй запустить двигатели в обратном направлении. Можно и наугад, даже если ты их не чувствуешь.

— Сейчас, — согласился напарник и через долю секунды добавил: — Не выходит. Но спасибо за идею.

Отстегиваясь от кушетки, я пытался придумать, что сказать.

— Эрик, я рад, что мы познакомились. Мне нравится... нравится работать в команде с тобой.

— Оставим сопли на потом. Проверь-ка мои соединения. Только осторожно.

Я заткнулся и открыл дверь в передней стене кабины. Пол чуть покачивался под ногами.

За дверью высотой четыре фута находился Эрик. Вернее, его центральная нервная система, увенчанная головным мозгом. Спинной мозг был свернут свободной спиралью, чтобы занимать меньше места, в прозрачном контейнере из стекла, пластмассы и губчатого наполнителя. Сотни проводов со всего корабля тянулись к стеклянным стенкам и соединялись с отдельными нервами, которые электрической сетью разбегались от центральной катушки нервной ткани и жировой защитной мембраны.

Калекам не место в космосе; и не называйте Эрика калеккой, он этого не любит. В некотором роде он идеальный астронавт. Его система жизнеобеспечения вдвое легче моей и занимает в двенадцать раз меньше места. Зато его протезы — основная начинка корабля. Прямоточные воздушно-реактивные двигатели были подсоединены к последней паре нервных стволов, которая когда-то управляла ногами. Десятки тонких нервов в этих стволах передавали показания датчиков и регулировали подачу топлива, температуру набегающего воздушного потока, разность ускорений, расширение входного отверстия и частоту импульсов. С этими соединениями все оказалось в порядке. Я протестировал их четырьмя разными способами и не нашел никаких отклонений.

— Посмотри остальные, — сказал Эрик.

На проверку всех нервных стволов я потратил не меньше двух часов, но ничего не нашел. Насос для нагнетания крови исправно пыхтел, жидкость была достаточно густой, а значит, нервы двигателей не могли «заснуть» от недостатка питательных веществ или кислорода. Поскольку лаборатория — один из протезов Эрика, я поручил ему проверить уровень глюкозы в крови в надежде, что «печень» отказала и производит какой-нибудь неправильный сахар. Результаты не радовали. Внутри кабины Эрик был в полном порядке.

— Эрик, ты здоровее меня.

— Я так и думал. У тебя встревоженный вид, сынок, и это неудивительно. Придется тебе выйти наружу.

— Знаю. Надо только скафандр раскопать.

Скафандр лежал в аварийном ящике с инструментами. Предполагалось, что его не придется использовать. Он был разработан в НАСА для высадки на поверхность Венеры. Затем в агентстве решили, что корабль не должен спускаться ниже двадцати миль, пока мы не узнаем о планете побольше. Скафандр напоминал средневековые доспехи. Я присутствовал на его испытаниях в Калтехе¹ и знал, что через пять часов суставы скафандра отказали под воздействием температуры и давления. Нужно было остудить их, чтобы продолжить работу. Я открыл ящик, достал этот костюм за плечи и вытянул руки перед собой. Казалось, он глядит на меня.

— Ты по-прежнему не чувствуешь двигателей? — спросил я Эрика.

— Как отрезало.

Я начал по частям натягивать венерианские доспехи. Затем до меня кое-что дошло.

— Мы на высоте двадцати миль. Хочешь, чтобы я отплясывал на корпусе?

— Нет! Конечно нет. Нам придется сесть.

Подъемная сила аэростата должна была оставаться постоянной до отлета. В нужный момент Эрику следовало

¹ Калифорнийский технологический институт.

увеличить тягу, нагреванием поднять давление водорода и через клапан стравить излишек. И при этом следить, чтобы давление в аэростате сохранялось выше, чем снаружи, иначе он наполнился бы воздухом Венеры и корабль стал бы падать, а не подниматься. Это закончилось бы катастрофой.

Эрик снизил температуру в аэростате, приоткрыл клапан, и мы двинулись вниз.

— Разумеется, все не так просто, — сказал он.

— Я в курсе.

— Корабль выдерживал давление на высоте двадцати миль. На поверхности давление в шесть раз выше.

— Я в курсе.

Мы стремительно спускались. Кабина была наклонена вперед из-за тяги стабилизаторов. Температура росла потихоньку, давление — намного быстрее. Я сидел у окна и не видел ничего, кроме мрака, но все равно ждал, когда стекло треснет.

НАСА побоялось спускать корабль ниже двадцати миль...

— Аэростат в порядке, корабль, наверное, тоже, — сказал Эрик. — Но выдержит ли кабина?

— Понятия не имею.

— Десять миль.

В пяти сотнях миль над нами висел недостижимый атомный ионный двигатель, который должен был доставить нас домой. Добраться до него только на химическом ракетном двигателе мы не могли. Ракету полагалось использовать, когда реактивные двигатели станут бесполезными в слишком разреженном воздухе.

— Четыре мили. Надо снова приоткрыть клапан.

Корабль пошел вниз.

— Вижу землю, — сообщил Эрик.

Я ничего не видел. Напарник заметил, что я всматриваюсь в темноту, и добавил:

— Не трудись. Я даже в инфракрасном диапазоне не могу разглядеть ничего интересного.

— А как же бескрайние туманные болота с невиданными чудищами и растениями-каннибалами?

— Только раскаленные пустоши.

Мы почти приземлились, а трещин в стенке кабины не было. Напряженные мышцы шеи и плеч расслабились. Я отвернулся от окна. Мы не один час падали сквозь ядовитый тягучий воздух. Я уже надел большую часть скафандра, оставалось прикрутить шлем и перчатки с тремя пальцами.

— Пристегнись, — сказал Эрик.

Я повиновался.

Мы легонько стукнулись о поверхность. Корабль чуть наклонился вперед, затем назад и ударился снова и снова. Мои зубы выбивали дробь, закованное в доспехи тело каталось по страховочной сетке.

— Черт, — пробормотал Эрик.

Сверху доносилось шипение.

— Не знаю, сможем ли мы взлететь, — заявил он.

Я тоже не знал. Корабль еще раз хорошенько приложился о грунт и замер. Я встал и направился к переходному шлюзу.

— Удачи. Не задерживайся там, — посоветовал Эрик, и я помахал ему в камеру.

Снаружи было семьсот тридцать градусов.

Внешний люк открылся. Холодильный модуль скафандра жалобно застонал. Я шагнул на правое крыло, держа в руках два пустых ведра. Головной прожектор освещал мне путь сквозь непроглядный мрак.

Скафандр скрипел, сжимаясь под давлением. Ожидая, когда это закончится, я стоял на крыле, но сам словно оказался под водой. Мощный луч проникал не больше чем на сотню футов. Никакая атмосфера не может быть такой непрозрачной, даже самая плотная. Наверное, в ней полно пыли или крошечных капелек какой-нибудь жидкости.

Крыло шло назад навесной подножкой с острым краем, расширялось к хвосту и переходило в стабилизатор. Два стабилизатора соединялись позади фюзеляжа. На конце каждого из них размещался большой рельефный цилиндр с атомным двигателем внутри. Вряд ли от него фонит, поскольку он еще не использовался, но я все равно захватил с собой счетчик.

Закрепив трос на крыле, я соскользнул вниз. Раз уж мы здесь... Под ногами хрустела сухая красноватая земля, пористая, как губка. Изъеденная химикатами лава? При таком давлении и температуре коррозию вызывает практически все. Я набрал ведро грунта, потом еще одно на том же месте, поднялся по тросу и поставил ведра на крыло. Оно было страшно скользким. Если бы не магнитные сандалии, я бы точно упал. Я прошелся по двухсотфутовой длины корпусу судна. С виду крылья и фюзеляж в полном порядке. Странно. Если бы метеор или какая-то другая дрянь перебила связь Эрика с датчиками в двигателях, на поверхности должны были остаться следы.

И тут довольно неожиданно мне пришло в голову, что есть еще один вариант.

Подозрение было совсем смутным и пока не оформилось в слова. К тому же следовало закончить осмотр. Если я прав, сказать об этом Эрику будет непросто.

В крыле размещались четыре контрольные панели с надежной защитой от нагрева при входе в плотные слои атмосферы. Одна — в фюзеляже, на полпути к хвосту, под нижним краем аэростата, который был припаян к корпусу, так что в фас корабль напоминал дельфина. Еще две — в задней кромке стабилизатора, а четвертая — в самом цилиндре с двигателем. Я открутил утопленные винты электрической отверткой и изучил узлы электросхемы корабля.

За панелями не оказалось ничего необычного. Соединяя и разъединяя провода и опрашивая Эрика, я установил, что связь оборвана где-то между второй и третьей панелями. В левом крыле история повторилась. Никаких внешних повреждений, узлы электросхемы в порядке. Я снова спустился на землю и медленно прошелся под каждым крылом, направив на них свет фонаря. Повреждений не было.

Подхватив ведра, я вернулся на корабль.

— Без каких еще обид? — удивился Эрик. — Нашел время для споров. Вот выйдем в космос, тогда и поговорим. Все равно четыре месяца больше нечем будет заняться.

— Это срочно. Во-первых, не заметил ли ты чего-нибудь, что я пропустил?

Он следил за каждым моим шагом через шлемокамеру.

— Нет. Я бы крикнул.

— Ладно. Тогда молчи и слушай. Контакты полетели не внутри, потому что до второй панели все в порядке. И не снаружи, потому что следов повреждений нет. Нет даже пятен коррозии. Остается одно.

— Продолжай.

— Вот что странно: почему парализовало сразу оба двигателя? Почему они отказали одновременно? В корабле есть только одно место, где сходятся две цепи.

— Что? А, дошло. Они соединяются во мне.

— Предположим, что проблема в тебе. Эрик, ты не механизм. Если с тобой что-то неладно, причина не медицинская. Это мы проверили в первую очередь. Но, возможно, дело в психологии.

— Как мило с твоей стороны считать меня человеком. Так, значит, у меня шарики за ролики заехали?

— Немного. Я думаю, у тебя так называемая гипестезия спускового крючка. Иногда в горячке боя у солдата немеет правый указательный палец или даже отнимается рука, как будто она ему больше не принадлежит. Эрик, ты сам сказал насчет человека. Может быть, проблема именно в этом. Ты никогда по-настоящему не считал, что детали корабля — твои органы. И это разумно, ибо правильно. Каждый раз при переделке корабля в нем заменяли ряд устройств на новые — тут поневоле начнешь воспринимать модификацию как серию ампутаций.

Я тщательно подготовил свою речь, стараясь подобрать такие слова, чтобы Эрик не мог не поверить. Теперь-то понимаю, что она прозвучала фальшиво.

— Ты зашел слишком далеко, — заметил я. — Подсознательно перестал верить, что двигатели могут ощущаться как часть твоего тела, то есть как они и должны ощущаться. И ты убедил себя, что ничего не чувствуешь.

Я умолк в ожидании вспышки гнева.

— Интересное рассуждение, — сказал Эрик, удивив меня.

— Ты согласен?

— Я этого не говорил. Ты выдвинул любопытную гипотезу, но мне нужно время, чтобы ее обдумать. Допустим, ты прав. Что дальше?

— Ну... не знаю. Ты просто должен вылечиться.

— Ладно. Тогда вот тебе встречное предположение: ты это выдумал, чтобы снять с себя ответственность за наши шкуры. Переложить ее на мои плечи, фигурально выражаясь.

— Да как ты...

— Прекрати. Я не говорю, что ты не прав. Не будем переходить на личности. Нам нужно как следует поразмыслить об этом.

К беседе Эрик вернулся через четыре часа, после отбоя.

— Хоуи, давай ты будешь считать, что проблема в механике, а я — что в психосоматике.

— Звучит разумно.

— Так и есть. Чем ты можешь помочь, если у меня поехала крыша? Чем я могу помочь, если сломалась деталь? Я же не могу сам себя осмотреть. Лучше каждому заниматься своим делом.

— Договорились.

Я выключил Эрика на ночь и лег на койку.

Сон не шел.

В темноте казалось, будто я снаружи. Я зажег свет. Эрик все равно не проснется. Он не спит в обычном понимании слова, потому что в его крови не накапливаются кенотоксины, и наверняка бы рехнулся от вечного бодрствования, если бы не русская плата электросна рядом с корой головного мозга. Эрик не проснется даже при взрыве корабля. Глупо с моей стороны бояться темноты.

Ладно бы темнота оставалась снаружи, но ей этого мало. Она окутала разум моего напарника. По результатам анализов мы могли не опасаться вызываемых химическим дисбалансом психзаболеваний вроде шизофрении и полагали, что рассудку Эрика ничего не угрожает. Но разве может протез защитить от собственного воображения, искаженного восприятия действительности?

Я не мог выполнить свою часть уговора, ибо знал, что прав. Но что было делать?

Задним умом все крепки. Я прекрасно понимал, где мы ошиблись — мы с Эриком и сотни людей, которые создавали его систему жизнеобеспечения после катастрофы.

От Эрика ничего не осталось, кроме неповрежденной центральной нервной системы. Из желез уцелел только гипофиз.

«Мы отладим регулировку состава крови, — решили они, — и это позволит Эрику всегда быть выдержанным, спокойным и собранным. Он забудет, что такое паника!»

С отцом моей знакомой произошел несчастный случай, когда ему было лет сорок пять. Он отправился на рыбалку со своим братом, дядей этой девушки. Они нализились до зеленых чертей и поехали домой. Отец устроился на капоте, а его брат сел за руль — и в пути внезапно резко затормозил. Наш герой оставил две очень важные железы на фигурке на радиаторе.

Его половая жизнь, однако, не изменилась, за исключением одного: жена перестала опасаться поздней беременности. Привычка — вторая натура.

Эрику не нужны были надпочечные железы, чтобы бояться смерти. Его эмоциональные паттерны стабилизировались задолго до того, как он попытался прилуниться без радара. Он с радостью поверит, что я починил контакты двигателя.

Но он рассчитывает, что я приму меры.

Атмосфера давила на окна. Я невольно коснулся кварцевого стекла пальцами. Давления не чувствовалось, но я знал, что оно рядом, неумолимое, как прибой, растирающий камни в песок. Как долго кабина сможет сдерживать натиск?

Если дело в механическом повреждении, почему я его не обнаружил? Возможно, поломка не оставила следов на поверхности крыльев. Но как это вышло?

Я ухватился за эту мысль.

Две сигареты спустя встал и взял ведра для грунта. Они были пустыми, образцы чужой почвы я уже убрал в надежное место. Я наполнил ведра водой, поставил в холодильник, установил температуру на сорок градусов выше абсолютного нуля, выключил свет и лег спать.

Утро было чернее, чем легкие курильщика. Я лежал на спине и философствовал. Что действительно нужно Венере, так это потерять девяносто девять процентов атмосферы. Останется чуть больше половины атмосферы Земли. Парниковый эффект ослабеет, и температура сделается пригодной для жизни. Надо только снизить силу тяжести на Венере почти до нуля на пару недель, и все получится само собой.

Вся чертова Вселенная только и ждет, когда мы наконец откроем антигравитацию.

— Доброе утро, — произнес Эрик. — Что-нибудь придумал?

— Да. — Я поднялся с кровати и добавил: — Только не доставай меня вопросами. Узнаешь по ходу дела.

— Завтракать не будешь?

— Пока нет.

Я один за другим надел космические доспехи, словно рыцарь короля Артура, и отправился за ведрами, но сперва натянул перчатки. Температура в холодильнике приблизилась к абсолютному нулю.

— Это обычный лед, — сообщил я, подняв ведра. — Выпусти меня.

— Не выпущу, пока не объяснишь, — проворчал Эрик. Тем не менее двери отворились.

Я вышел на крыло и принялся откручивать правую панель номер два.

— Эрик, вспомни об испытаниях пилотируемого космического корабля. Прежде чем запустить в него людей, все детали проверяют по отдельности и в сборе. И все же, если что-то не работает, оно либо сломалось, либо его не протестировали как следует. Так?

— Звучит разумно, — сухо отозвался он.

— В нашем случае поломок нет. Обшивка корабля в полном порядке, и оба двигателя просто не могли одновременно выйти из строя. Следовательно, что-то не протестировали как положено.

Я открыл панель. Лед в ведрах тихонько бурлил, соприкасаясь со стеклянными стенками. Голубоватые ледышки потрескались от внутреннего давления. Я опрокинул одно

ведро над лабиринтом проводов, контактов и реле. Лед раскрошился, и я смог закрыть дверцу.

— Прошлой ночью мне пришла в голову мысль. Кое-что действительно не проверили. Все детали корабля побывали на испытательном стенде при венерианских температуре и давлении, но не корабль в целом. Он слишком велик.

Я перешел на левое крыло и открутил панель номер три в задней кромке стабилизатора. В ведре уже наполовину была вода, наполовину мелкие льдинки. Я выплеснул их на корабль и закрыл дверцу.

— Твои контакты закоротило от жары, или от давления, или от их сочетания. С давлением я ничего поделаться не могу, зато могу охладить реле льдом. Скажи, какой двигатель оживет первым, и мы будем знать, какая панель нам нужна.

— Хоуи! Ты, вообще, представляешь, что может случиться с раскаленным металлом от холодной воды?

— Он может потрескаться. Тогда ты потеряешь контроль над двигателями... совсем как сейчас.

— Гм... Ты прав, напарник. Но я все равно ничего не чувствую.

Я вернулся к шлюзовой камере, размахивая ведрами. Как бы они не расплавились! Впрочем, я пробыл снаружи не так уж и долго.

Сняв скафандр, я начал наполнять ведра заново, когда Эрик сказал:

— Чувствую правый двигатель.

— Насколько хорошо? Контроль полный?

— Нет. Не улавливаю температуру. Хотя стоп, погоди.

Хоуи, все в порядке.

Я с облегчением вздохнул и поставил ведра в холодильник. Нужно взлетать, пока реле не нагрелись.

Вода остывала минут двадцать, как вдруг Эрик сообщил:

— Чувствительность пропадает.

— Что?

— Чувствительность пропадает. Я не ощущаю температуру и теряю контроль над подачей топлива. Все снова нагрелось.

— Черт! И что дальше?

— Не хочу тебе говорить. Подумай сам.

Я подумал.

— Мы поднимемся как можно выше на аэростате, и я выйду на крыло с ведром льда в каждой руке.

Пришлось повысить температуру в аэростате почти до восьмисот градусов, чтобы получить нужное давление, но после этого все пошло как по маслу. Мы поднялись на шестнадцать миль. За три часа.

— Выше не получится, — сказал Эрик. — Ты готов?

Молча я отправился за льдом. Эрик видел меня и не нуждался в ответе. Он открыл шлюзовую камеру.

Я мог бы испытывать страх, панику, решимость или готовность к самопожертвованию, но не испытывал ровным счетом ничего. Вышел на крыло, чувствуя себя измученным зомби.

Магниты работали на полную мощность. Я словно шел по луже дегтя. Воздух был густым, хотя и не таким густым, как внизу. При свете головного прожектора я дошел до панели номер два, открыл ее, вывалил лед и отшвырнул ведро. Лед смерзся в один сплошной комок, закрыть дверцу не получалось. Я оставил ее открытой и поспешил на другое крыло. Во втором ведре лежало мелкое крошево. Я засыпал его в корабль, запер левую панель номер два и вернулся к правой со свободными руками. Мир вокруг казался преддверием ада, и только свет налобного фонаря пронзал темноту. У меня уже горели ступни. Я закрыл правую панель, за которой кипела вода, и на цыпочках пошел по корпусу к шлюзу.

— Заходи и пристегивайся, — велел Эрик. — Скорее!

— Мне нужно снять скафандр, — ответил я, безуспешно пытаюсь развязать застёжки дрожащими руками.

— Нет, не нужно, — возразил напарник. — Если мы взлетим сейчас, у нас есть шанс добраться до дома. Заходи прямо в скафандре.

Я повиновался. Пока натягивал страховочную сетку, двигатели взревели. Корабль вздрогнул, оторвался от аэростата и ринулся вперед. Двигатели набирали рабочую скорость, давление нарастало. Эрик выжимал из корабля все

силы. Мне было бы некомфортно даже без металлического облачения, а в нем я испытывал адские муки. От скафандра загорелась койка, но мне так сдавило горло, что я не мог поднять тревогу. Мы взлетали практически вертикально.

Через двадцать минут корабль дернулся, как лягушка от удара током.

— Двигатель сдох, — спокойно сказал Эрик. — Воспользуюсь вторым.

Он сбросил испорченный двигатель, и корабль снова накренился. Двинулся, как раненый пингвин, но все же набирая скорость. Минута... другая... Второй двигатель тоже отказал, мы словно увязли в патоке. Эрик стравил из него воздух, и давление упало. Я снова мог говорить.

— Эрик...

— Что?

— У тебя есть зефирки?

— Что? А, вижу. Скафандр держит?

— Конечно.

— Тогда потерпи. Потом потушим. Я пока буду идти по инерции, но когда запущу ракету, мало не покажется.

— Мы выберемся?

— Думаю, да. На честном слове.

Сначала накатила ледяная волна облегчения. Затем злость.

— Больше ничего не онемееет ни с того ни с сего? — спросил я.

— Нет. А что?

— Ты же мне скажешь, если вдруг?

— К чему ты клонишь?

— Забудь.

Я больше не злился.

— Черта с два я забуду, — возразил напарник. — Ты прекрасно знаешь, что это была механическая поломка, кретин. Сам же починил!

— Нет. Я убедил тебя, что у меня все получится. Ты должен был поверить, что двигатели снова заработают. Эрик, я нашел для тебя чудодейственное средство. Я лишь надеюсь, что мне не придется изобретать новые плацебо всю дорогу домой.